ПЕТЕРБУРГЪ.

До Государя Петра Великаго Русь была царство материковое и примыкало къ морю только на самомъ сѣверѣ, въ Архангельскѣ. Ни балтійскихъ земель, ни черноморскихъ у насъ не было; первыя стояли за Шведами, вторыя за Турками.

Море раздѣляетъ государства, море ихъ и связываетъ: гужемъ нѣтъ ни дешоваго и удобнаго проѣзда, ни провозу товаровъ и торговли. Широкій и далекій материкъ отдѣлялъ Русь отъ всѣхъ государствъ; нельзя было иначе попасть въ одно, какъ проѣхавъ нѣсколько другихъ, а потому мы были всегда связаны, ровно въ осадѣ, и въ зависимости отъ другихъ: они могли пропускать и не пропускать къ намъ и отъ насъ товары и путниковъ, и могли накладывать какую хотѣли пошлину; мы сидѣли ровно въ мѣшкѣ.

Вотъ какъ важно море и флотъ!

На то время, какъ нарочно, Шведы сами задѣвали насъ и, считая себя посильнѣе, хотѣли войны. И точно, тяжело было Петру

бороться съ ними: флоту до него не было ни щепки, а воины наши были плохи, тоже что нынѣ турецкіе или персидскіе: храбрости довольно, да ни порядку, ни умѣнья, а говорится: умѣнье дороже богатырства. Такъ–то царю надо было въ то время и самому учиться, и другихъ учить, и новое войско строить, и флотъ создавать, и во все время воевать.

Но силенъ и великъ былъ царь этотъ духомъ и шелъ онъ своимъ путемъ, ничѣмъ не смущаясь, и говорилъ: непріятель мой будетъ мнѣ другъ, хоть и не вдругъ, — а сперва надо его побѣдить. Петръ Великій положилъ: не мириться со Шведами, доколѣ не отдадутъ ему балтійскихъ земель и моря. Тутъ стану я твердо пятой, говорилъ онъ; тутъ заложу новую столицу, на землѣ завоеванной, и примкну ею ко всѣмъ прочимъ государствамъ. Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ.

Край, гдѣ теперь лежитъ Петербургъ, назывался тогда Ингрія, Ингерманландія. Главная крѣпость его была на острову, при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера,

Нотебургъ, названная потомъ нами, Шлиссельбургъ. Шведы разбили насъ подъ Нарвой и готовились къ сильному нападенію, какъ Петръ вдругъ явился съ войскомъ въ 1702 году въ исходѣ сентября, подъ этою крѣпостію, которая встрѣтила его пальбою изъ 140 орудій. Начальствовалъ у насъ Шереметьевъ, а царь принялъ званіе капитана бомбардирской роты Преображенскаго полка и исправлялъ должность эту на дѣлѣ.

Войско наше подошло лѣвымъ берегомъ, а 50 судовъ, которымъ нельзя было пройти мимо крѣпости, перетащены были переволокомъ, по просѣкѣ, изъ Ладожскаго озера въ Неву; онѣ переправились ниже крѣпости на правый берегъ и перевезли туда орудія и войско. Стали сильно обстрѣливать крѣпость съ обоихъ береговъ; царь былъ день и ночь на своей батареѣ, управлялъ, училъ, наводилъ орудія и стрѣлялъ своими руками. Въ 10 дней сдѣлали три пролома; охотниковъ перевезли въ лодкахъ на островъ къ крѣпости и они пошли на приступъ; Шведы

отбили ихъ; — на помощь послано еще два гвардейскихъ полка, съ лѣстницами — но лѣстницы были не въ мѣру коротки и Шведы били нашихъ, которые лѣзли очертя голову. Видя это, государь послалъ съ берегу приказаніе чрезъ поручика отъ бомбардиръ, Менщикова, не лучше ли отступить; но князь Голицынъ, начальникъ приступа, видя что непріятель много потерялъ и слабѣетъ, отдалъ громко приказаніе, чтобъ лодки отвалили отъ острова, сказавъ: либо всѣ ляжемъ здѣсь, либо русское знамя поставимъ! а посланному отъ государя отвѣчалъ: «Скажи государю, что я теперь принадлежу одному Богу.»

13 часовъ длился этотъ приступъ — и крѣпость сдалась 11–го октября. Гарнизону въ ней было всего 400 человѣкъ, изъ которыхъ не болѣе 250 уцѣлѣло, и изъ нихъ было 150 раненыхъ. У насъ было 25 офицеровъ и до 480 солдатъ убитыхъ, да 900 солдатъ и 21 офицеръ раненыхъ. Вотъ какъ Шведы оборонялись, что на каждаго изъ нихъ пришлось больше чѣмъ по одному

убитому и по два раненыхъ съ нашей стороны! Въ занятой нами крѣпости было 138 орудій.

На другой годъ (1703) войска наши подъ предводительствомъ самаго царя осадили, 26–го апрѣля, другую шведскую крѣпость — Невскій Шанецъ, или Ніеншанцъ, находившуюся на мѣстѣ теперешняго Охтенскаго адмиралтейства, и 1–го мая завладѣли ею и 78 пушками. Только что мы заняли крѣпость эту, какъ шведская эскадра подъ командою вице–адмирала Нумберса, подошла къ устью Невы, 2–го мая, и сдѣлала два сигнальные выстрѣла. Шереметьевъ приказалъ отвѣчать тѣмъ же и на эскадрѣ полагали, что все благополучно; она бросила якорь и одна шнява и большой ботъ съ припасами и снарядами для крѣпости, вошли въ Неву. Ночь ихъ захватила и они остановились у Васильевскаго острова; а царь и поручикъ отъ бомбардиръ Менщиковъ, прошедши на 30 лодкахъ Фонтанкой, въ темную, дождливую ночь, тихо подошли къ судамъ этимъ и бросились на абордажъ. Ихъ

встрѣтили пушечной и ружейной пальбой — но уже поздно; оба военныя судна были взяты. Одно было о 10–ти, а другое о 14–ти пушкахъ; изъ 77–ми человѣкъ экипажа, въ живыхъ осталось только 19. Въ самомъ абордажѣ участвовали у насъ только 8 лодокъ. Шведская эскадра удалилась; Нева и Ладога остались за нами; 16–го мая 1703 года государь положилъ основаніе новой столицѣ своей, Петербургу, заложивъ нынѣшнюю крѣпость, во имя Св. Петра и Павла. За побѣду эту и въ особенности за личную храбрость при взятіи двухъ непріятельскихъ судовъ абордажемъ, царь принялъ поднесенный ему орденъ Св. Андрея Первозваннаго и былъ въ это время четвертымъ кавалеромъ въ государствѣ своемъ. Бомбардирскій поручикъ Менщиковъ также награжденъ былъ орденомъ Св. Андрея за этотъ подвигъ; офицеры же и солдаты, участвовавшіе въ побѣдѣ, получили медали съ изображеніемъ Петра и съ надписью: небывалое бываетъ.